СОВЕТСКИЕ ПЛЕННЫЕ: ПОИСКИ СТАРОГО ДРУГА

Инна Гэншоу (PhD),
Университет Люксембурга, научный сотрудник НИИ новейшей и цифровой истории

Спустя семьдесят лет после окончания Второй мировой войны бывший люксембургский военнопленный решил найти своего старого русского друга, которого пригнали на принудительные работы в сталелитейной промышленности и сельском хозяйстве Люксембурга наравне с другими 4.000 узниками. Судьбы двух пленных переплелись, как они переплетутся между советскими и люксембургскими поданными в Европе еще не раз …

Люксембуржец Ренэ Энглеберт (1926-2016) прочитал в газете об «остарбайтерах» – советских узниках, насильно перемещенных из СССР для работ в Третьем рейхе и в том числе в Люксембурге (с 1942 по 1944гг). В статье речь шла об их лагере в Шляйфмюле. Русская исследовательница в интервью говорила, что собирает информацию. «Это ж там, где держали Кирилла!»– осенило Ренэ, и он полез за фотографиями. Фотографии лежали в старой обувной коробке, аккуратно рассортированные по конвертикам. Он нашел нужный, заметив, что пальцы вдруг стали дрожать. Прочитал надпись «1944:

вокзал». Верно. Открыл и высыпал на стол с дюжину маленьких черно-белых снимков. Кирилл был почти на каждом.

Энглеберт зашуршал газетой, нашел страницу с телефоном редакции, набрал номер. Сначала услышал сообщение на трех языках, потом какие-то цифры, которые нужно было выбрать, затем, наконец, просто телефонный гудок – и работник редакции взял трубку. «Мойен! - поприветствовал Энглеберт по-люксембургски. - Я по поводу сегодняшней статьи про лагерь пленных в Шляйфмюле. У меня есть информация про его заключенных. И фотографии». Он продиктовал свой номер. Потом, на всякий случай, еще раз и громче. Энглеберт положил трубку, но отходить от аппарата не хотел, как будто ему сейчас не из редакции перезвонят, а из СССР – парень по имени Кирилл, смотревший на него с маленьких черно-белых снимков, сделанных словно вчера.

Энглеберта выгнали из школы в 1941г., поскольку он не захотел вступать в Гитлерюгенд. Он был не единственным, кого постигла такая участь. Даже девчонок отчисляли из школы за то, что они не хотели вступать в женский аналог Гитлерюгенда «Союз Немецких Девушек». Таких посылали на исправительные работы – и Энглеберта прикрепили к железнодорожной станции. «Где-то с лета 1942г. стали прибывать пленные русские, «остарбайтеры». Я у них быстро научился паре слов, типа «Давай!» и «Хорошо!» Но и они тоже быстро учили немецкий: на другом языке нам разговаривать было запрещено», – вспоминает Энглеберт.

Советские рабочие на восстановлении железнодорожных путей после бомбардировки центрального вокзала 9 и 11 мая 1944г.

Но не столько выбор языка был ограничен – общение как таковое было запрещено, если только оно не было обусловлено острой производственной необходимостью. Однако и те, и другие рабочие, несмотря на языковой барьер,

умудрялись не только общаться, но и даже дружить. Так, Энглеберт познакомился с Кириллом. Они знаками и мимикой смеялись над немецкой охраной за их спиной и радовались, когда им удавалось безнаказанно нарушать правила. Энглеберт и стариком-то был очень высоким, а в молодости его рост был около двух метров. Кирилл же, напротив, был маленьким и щуплым, говорил на ломаном немецком и его было, по-хорошему, жаль. Энглеберт тайно притащил на работу и подарил ему пальто своего низкорослого отца. “Мы были такие молодые!.. Сдружились. У меня даже фотографии с ним сохранились. Вот», – Энглеберт протягивает из своей коллекции снимок.

«Мы решили сфотографироваться 1 мая 1944г. В знак протеста, что в День солидарности трудящихся нас заставляли работать». На групповом фото в депо у паровоза позируют мужчины и одна женщина. Все черно: локомотив, земля, одежда и обувь рабочих. Энглеберт показывает пальцем на парнишку в центре в казачьей папахе: это Кирилл. А вот он сам: присел на другом снимке рядом с Кириллом, и они получились почти одного роста. Улыбка у Энглеберта нахальная. Как же, он же правила как раз нарушает. Довольный…

Четвертый справа в первом ряду – Кирилл.
Депо центрального вокзала Люксембурга, 1 мая 1944г.

PASSIERSCHEIN

Wehrmachtangehörige, die diesen Ausweis vorzeigen, stellen den Kampf gegen die Rote Armee ein und begeben sich in den Schutz der sowjetischen Militärbehörden, da sie die Sinnlosigkeit weiteren Widerstandes eingesehen haben und ihr Leben retten wollen.

Angesichts dessen werden ihnen Sicherheit und Lebensbedingungen entsprechend den internationalen Gesetzen für Kriegsgefangene garantiert. Alle Angehörigen der Roten Armee haben Befehl, die Kriegsgefangenen in Empfang zu nehmen, zu verpflegen, dem nächsten Lager zuzuleiten und ihnen im Fall der Verwundung erste Hilfe angedeihen zu lassen.

Das Kommando der Roten Armee

ПРОПУСК

Предъявители сего, военнослужащие немецкой армии, понявшие бессмысленность дальнейшего сопротивления и желая сохранить себе жизнь, прекращают борьбу против Красной Армии и отдают себя в распоряжение советских военных властей.

Ввиду этого им гарантируется безопасность и условия жизни в соответствии с международными законами для военнопленных. Военнослужащим Красной Армии предписывается принять пленных, накормить, направить в ближайший лагерь, а раненым оказать первую помощь.

Командование Красной Армии

1447 — 12. 3. 45

В то первомайское утро Энглеберт еще не знал, что уже спустя пару месяцев, в июле 1944 г., его загребут в Вермахт, заставят надеть немецкую форму, дадут автомат и отправят на фронт в Польшу. Он еще не знал, что вскоре он подберет советскую листовку для немецких солдат, на которой обозначено четко и ясно: это ваш пропуск в плен и гарантия жизни. Он будет хранить его под страхом расстрела в потайном кармане, пока при первой же возможности ему не удастся перейти к Красной армии и при допросе советский капитан не напишет красным карандашом, что француз Энглеберт сдался в плен добровольно. И он еще не знал, что между сдачей в плен в апреле 1945 г. и возвращением домой в октябре того же года пройдут долгие полгода лагерей, этапов и проверок. В мае 1944 г. он еще по эту сторону, а в плену – его товарищ по работе Кирилл.

«Потом Кирилл как-то враз пропал. Я помню, что он рассказывал про Днепропетровск. Я все хотел найти его, но не знал его фамилии. Вообще не знал, как подступиться к поискам. Вы не знаете, как его разыскать? Вдруг он еще жив?.. Я часто вспоминать его стал в последнее время, хотя уже 70 лет минуло…” – Энглеберт замолкает и начинает собираться на свою ежедневную прогулку. Вверх по улице до кладбища Бонвуа, до могилы советских пленных, потом обратно.

На этом кладбище захоронены останки советских граждан, погибших при бомбардировках 9 и 11 мая 1944г. Двенадцать имен тех, кто работал вблизи бомбившихся союзниками железнодорожных путей, отрезавших путь отступления Вермахта. Двенадцать имен тех, кого смогли идентифицировать. Тех, кого пригнали на работы, кому не давали спускаться в бомбоубежища и кого сначала собрали и погребли в одном месте, а потом перезахоронили по окончании войны в другом.

Как найти человека, чьей фамилии ты не знаешь? Предприятие «Железные дороги Люксембурга» сразу замахало руками: «Ну что вы? Причем тут мы? Мы вообще основаны в 1946. Откуда у нас картотеки бывших рабочих железной дороги, а тем более узников? Мы не являемся приемником «Железных дорог Рейха»! Кто же является? Звоним в Берлин. Сотрудница «Немецких железных дорог» удивленно вскидывает брови – это слышно даже по интонации в телефонной трубке: «Люксембург? А мы тут при чем? Мы только по Германии можем наши архивы поднять, а аннексированные территории туда не входят. Вы спросите у вас на месте, на «Железных дорогах Люксембурга»…»

Никто не хочет иметь с позорным прошлом ничего общего: Люксембург дистанцируется от него по административным причинам («не наше управление»), Германия – по географическим («не наша территория»). Неужели не было никакому архиву дела до молодых и малолетних узников фашизма, насильно пригнанных из СССР в Германию? Таскавших рельсы и шпалы, чистивших котлы и паровозы, мывших вагоны и не имевших возможности спастись при авианалетах?

«Я помню эти жуткие бомбежки, – голос Энглебрта вдруг меняется. – Нас заставляли работать даже во время налетов авиации. Было два вида тревоги, и только по одной люксембуржцам разрешалось спуститься в бомбоубежище, а русским нельзя было вообще. Как они прятались? Как могли. Кто под бак залезал, кто за камнем хоронился. Много людей погибло…» Энглеберт замолкает и тихо стоит перед памятной табличкой на кладбище Бонвуа с двенадцатью незнакомыми именами и фамилиями. Среди них, кстати, тоже есть Кирилл, на что Энглеберт только покачал головой: «Да там были сотни советских узников! И Кирилл наверняка не один».

Ищем дальше. Перерываем все городские и коммунальные архивы по Шляйфмюле – нет списков заключенных. Копаем документацию по распоряжениям биржи труда Люксембурга о поставке рабочих из СССР в

Люксембург – нет списков рабочих. Запрашиваем объединения бывших узников фашизма в Днепропетровске – нет бывших в Люксембурге. Возвращаемся к железным дорогам. Находим бывшее территориальное деление управлений «Железных дорог Рейха». Находим управление, к которому относился Люксемубрг – немецкий город Саарбрюкен, ныне столица Земли Саар. Звоним в земельный архив Саарбрюкена: «Советские пленные и остарбайтеры на ж/д? Отдельно их нет, но есть картотека всех ж/д-рабочих по региону. Мы отобрать не сможем, но документы для самостоятельной работы предоставим. Садитесь и выбирайте, кто вам нужен». О, чудо местных архивариусов!..

В семи деревянных ящиках, на ломком пожелтевшем картоне размером с половину печатного листа, выцветшими чернилами и едва разборчивым почерком записаны семь тысяч имен. Если сесть и перебрать каждую карточку, выудив те, что помечены «остарбайтер» и место работы «Люксембург», отсканировать их, а потом внести информацию из них в электронную базу данных, выстраивается общая картина.

С 1942 по 1944 год на железнодорожных путях Люксембурга было задействовано сто пятьдесят человек. Рабочие были размещены в специальных лагерях в районе Шляйфмюле (сейчас это улица Годшо (rue Godchaux)), в районе Бонвуа, в деревне Петанж и в приграничном Веллене. Сто пятнадцать мужчин, самому младшему из которых двенадцать (Яков Г., из Ростова-на-Дону). Тридцать пять женщин, самым юным из них по пятнадцать и шестнадцать (они из Курска и тогдашнего Сталинграда), числятся помощницами слесаря и «чернорабочим военных нужд». Из Днепропетровска двадцать семь человек. Среди ста пятидесяти рабочих всего два Кирилла: сорокалетний из Ленинграда и двадцатишестилетний из соседнего с Днепропетровском Запорожья. Ну вот он. Что же нам сообщает наша находка?

Учетная карточка рабочего не включает фотографию, но содержит, хотя и скудные, биографические данные. Имя: Кирилл. Фамилия: Чайка. Год рождения: 1918. Место рождения: Запорожская область. Закреплен за социальным бюро

Страсбурга, с 6 марта 1944 г. расквартирован вместе с тридцатью семью другими рабочими в Люксембурге в лагере «Шляйфмюле». Числится «чистильщиком вагонов». У других в карточках фигурируют: «чистильщик локомотивов», «грузчик угля», «чернорабочий ж/д», «ремонтник». Подпись Кирилла: крестик.

Энглеберт все сортирует и перекладывает фотографии. Переворачивает каждую. Зачитывает подпись. Опять переворачивает. Находит на каждой парнишку с папахой. «Я иногда пытаюсь себе представить, как сложилась его жизнь. Иногда мне кажется, что он меня никогда не покидал. В моем сердце он остался в любом случае навсегда», - Энглеберт замолкает и смотрит в окно. Потом опять собирается на прогулку – до кладбища. До могилы с советскими пленными. Читает по слогам странные имена и фамилия. Одна из них – Кирилла, Kirill Chaika, 1918, погибшего при бомбардировке 9 мая 1944 г., ровно за четыре месяца до освобождения Люксембурга, ровно за год до капитуляции Германии, через неделю после снимка с Энглебертом.

Так что Кирилл никуда не делся из жизни Энглеберта. Никуда он не пропал. Он всегда был рядом, на кладбище за углом, ежедневно навещаемый своим люксембургским другом, в чьем сердце он остался живым и веселым парнем в казачьей шапке. В прошлом году друзья воссоединились: Энглеберт скончался 26 октября 2016 года и был похоронен на кладбище Бонвуа вблизи своего друга Кирилла.

Фотографии: личный архив Inna Ganschow

Перепечатка текста и фотографий с указанием источника:

Гэншоу, И. СОВЕТСКИЕ ПЛЕННЫЕ – ПОИСКИ СТАРОГО ДРУГА. Манускрипт. Eprint retrieved from: http://hdl.handle.net/10993/35477

Email: inna.ganschow@ext.uni.lu